

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 81 (1127)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена беседа В. Винникова с академиком РАН С. Глазьевым «Рубль вместо доллара», опубликованная в газете «Завтра», № 39, 24 сентября 2014 года.

Вологда
сентябрь, 2014

Рубль вместо доллара

Академик РАН рассказывает, почему необходим переход от внешних источников кредитования к внутренним.

«ЗАВТРА». Сергей Юрьевич, за последние дни произошло несколько важных событий, связанных с определением того пути, по которому должна идти наша страна в условиях конфликта на Украине, западных санкций, фактической остановки экономического роста и «второй волны» или даже «третьей волны» глобального системного кризиса. Это прежде всего Инвестиционный форум в Сочи и заседание Госсовета по проблемам импортозамещения. Мы видим, как сталкиваются противоположные, полярные точки зрения, какую активность проявляют сторонники «вашингтонского консенсуса» и в нашей «властной вертикали», и на уровне крупных бизнес-структур, и в медиа-пространстве. Вы известны не только в качестве выдающегося теоретика, ученого, авторству которого принадлежит получающая всё большее признание в мировом научном сообществе концепция глобальных технологических укладов, непримиримый противник «вашингтонского консенсуса», но и как государственный деятель, который активно занимается практикой евразийской интеграции. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в отечественной экономике? Что, по-вашему, можно и нужно сделать для выживания и развития России?

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Я бы не сказал, что по этому поводу сегодня существуют какие-то значимые расхождения между российской властью и крупным российским бизнесом, действующим в реальном секторе экономики. Антикризисные рецепты сегодня уже вполне понятны и очевидны.

Это, во-первых, целый комплекс сбалансированных предложений, который содержался в блестящем докладе на Госсовете губернатора Белгородской области Евгения Степановича Савченко по расширению, удешевлению и удлинению кредита, а также по увеличению объёмов государственного спроса в сфере импортозамещения. Реализация этого комплекса предложений позволит увеличить ВВП страны не менее чем на один триллион рублей в год, что соответствует минимум 8-9% экономического роста.

Это, во-вторых, выступление премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева на инвестиционном форуме в Сочи, где были высказаны соображения по расширению государственного финансирования инфраструктурных проектов.

И это, в-третьих, сформированная реальным сектором отечественной экономики заявка на финансирование импортозамещающего производства и технологическую модернизацию.

Если суммировать эти моменты, то можно сказать, что у нашей страны есть немалые резервы для экономического роста, которые сегодня поддержаны извне введением санкций со стороны Запада. Что власть и бизнес практически определились с тем, сколько денег необходимо, чтобы выйти на траекторию устойчивого развития. И что вопрос стоит о замещении импорта не только и даже не столько товаров, сколько финансов, а именно — внешних кредитов. Но этот ключевой вопрос: где найти источники для финансирования программ импортозамещения и расширения производства, — пока остаётся и без ответа, и за пределами любого открытого или закрытого обсуждения.

Главное противоречие текущего момента заключается уже не в полемике сторонников той или иной экономической концепции, а в удивительном разрыве между требованиями реального сектора экономики, руководителей регионов и федерального правительства, с одной стороны, — и полным отсутствием реакции на эти требования со стороны финансовых властей, прежде всего Центробанка и Минфина, которые должны эти требования выполнять, с другой стороны.

То есть возникает парадоксальная ситуация. И президент страны, и председатель правительства, и губернаторы говорят о необходимости подъёма экономической активности, о расширении производства, увеличении инвестиций, о привязке кредитно-денежной политики к задачам развития реального сектора экономики, но Центробанк и Минфин делают вид, что их это всё не касается.

Если мы сейчас посмотрим на опубликованный недавно ЦБ проект основных направлений его кредитно-денежной политики, то с удивлением обнаружим, что все требования президента и правительства в позиции ЦБ не учтены, они отсутствуют. Центральный банк по-прежнему декларирует, что единственной целью его деятельности является сдерживание инфляции, удержание инфляции в тех рамках, которые они сами себе обозначили, — 4% в год. Между тем, весь, уже более чем двадцатилетний, опыт работы в рамках нынешней кредитно-денежной системы показывает, что попытки бороться с инфляцией исключительно монетарными методами, путем сжатия денежной массы, успеха не приносят, и единственным результатом такой политики оказывается стагфляция, то есть сочетание высокой инфляции с отсутствием экономического роста. Напротив, опыт практически всех без исключения стран мира говорит о том, что сбалансированное экономическое развитие предполагает наличие достаточного объема денежного предложения для обеспечения товарооборота и подъема инвестиций. И только на основе роста производства вследствие инвестиций в развитие новых технологий можно добиться снижения инфляции. Главным средством борьбы с инфляцией является повышение эффективности производства. А повышение эффективности производства невозможно без роста этого производства в оптимальных масштабах и внедрения новых технологий.

И то, и другое предполагает опережающее развитие кредита, поскольку кредит по своей природе есть авансирование экономического роста.

Но наш Центральный банк совсем не хочет понимать эти очевидные вещи и, слепо следуя догмам «вашингтонского консенсуса», в течение двадцати лет искусственно ограничивает денежную массу. Что как раз создавало привилегированные условия для внешних кредиторов и иностранных инвесторов. Потому что если денежная масса страны формируется в основном за счёт внешних источников, то приоритетные позиции занимает иностранный капитал. А в условиях, когда денежное предложение формируется за счет иностранного капитала, развитие тех или иных отраслей экономики начинает зависеть от его воли.

Введение Западом антироссийских санкций даёт нам уникальную возможность и даже ставит перед необходимостью замещения внешних источников кредита внутренними, создания суве-

ренной финансовой системы, которая будет ориентироваться не на интересы иностранного капитала, а на интересы развития собственного производства.

«ЗАВТРА». Какова, говоря языком банкиров, «цена вопроса»?

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Если мы возьмём предложения Евгения Савченко на Госсовете, то они гарантируют выпуск дополнительной продукции на 2 триллиона рублей в год. Это значит, что объём кредитов должен быть увеличен — с учетом оборачиваемости денежной массы внутри нашей экономики примерно 3 раза в год и того, что речь идёт о выпуске сельскохозяйственной продукции, цикл производства которой составляет как раз календарный год — примерно на 700-800 миллиардов рублей. Это объём необходимой дополнительной денежной эмиссии в форме кредитов, ссуд сроком не менее чем на год — с тем чтобы предприятия могли получить необходимый объём оборотных средств. К этому необходимо добавить 200-300 миллиардов рублей инвестиций на расширение и модернизацию производственных мощностей сроком на 3-4 года.

То есть простой расчет показывает, что у нас прирост денежной массы только для реализации программ импортозамещения, о которых говорил губернатор Белгородской области, должен составить как минимум триллион рублей. И это означает соответствующее увеличение денежной массы.

Если мы таким же образом просчитаем предложение премьер-министра РФ о господдержке крупных инфраструктурных проектов, начиная от строительства газопровода «Сила Сибири» и заканчивая созданием высокоскоростных магистралей железнодорожного транспорта, — всё это окупится за 7-10-15 и более лет, но для них также необходим высокий уровень кредита.

В своё время нобелевский лауреат по экономике и признанный классик теории денег Тобин говорил о том, что главной задачей Центрального банка любой страны должно быть создание максимально благоприятных условий для роста инвестиций. А наш Центральный банк делает вид, что этот вопрос его вообще не касается.

Чтобы обеспечить необходимый для выхода на траекторию устойчивого развития экономики прирост инвестиций на 10-15% в год, необходимо и соответствующее увеличение денежного предложения.

Чего нет ни в основах денежно-кредитной политики Центробанка, ни в планах Минфина.

Получается, что все рассуждения об импорто-замещении, о подъёме инвестиций остаются сотрясением воздуха до тех пор, пока не будут приняты конкретные меры по расширению денежной массы финансовой властью.

А на практике, в связи с прекращением внешних источников кредитования, а также ускоренного вывоза капиталов из страны, у нас наблюдается сокращение денежной массы, и экономика работает в условиях всё более ощутимого финансового голода.

ЦБ использует механизмы рефинансирования коммерческих банков, перенося на них основной объём денежной эмиссии, но само это рефинансирование ведётся не в целях обеспечения должного уровня кредита в экономике, а в целях простого поддержания ликвидности банковского сектора и поддержания сложившейся системы денежного оборота.

Эти кредиты выдаются Центробанком всего на неделю, под высокий процент и не могут служить основой для формирования долговременных и дешёвых кредитных ресурсов.

Какой объём денег необходим сейчас для замещения внешних источников кредита? На этот вопрос не хотят не только давать ответ, но даже рассматривать его. Наша экономика сегодня закредитована извне на сумму в 700 млрд. долл. Это гигантская сумма, которая сопоставима со всем объёмом денежной массы в нашей стране. И если предположить, что западные кредиторы одновременно прекратят предоставлять кредиты нашей экономике, то денежные власти должны решить задачу замещения внешних кредитов внутренними, что требует фактически удвоения объёма денег в российской экономике.

Это очень серьёзная проблема, без решения которой мы не можем даже подойти к решению задачи обеспечения экономического роста. Ведь ЦБ планирует прирост денежной массы на 10-15% в год в течение ближайших трех лет. А одна только проблема замещения иностранных кредитов имеет размерность практически на порядок большую.

Иными словами, потребность страны в экономическом развитии полностью парализуется отсутствием необходимого для этого источника денежного предложения, который должен создавать Центральный банк.

«ЗАВТРА». А он этого не делает — по каким соображениям?

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Для меня это загадка. Вследствие проводившейся до последнего времени кредитно-денежной политики у нас большая часть денежной массы формировалась под внешние источники кредита. И сегодня отказ западных стран продолжать кредитование российской экономики вызывает спазм во всей кредитно-денежной системе.

Для того чтобы этот спазм преодолеть, необходимо переходить на внутренние источники кредита. А это, видимо, попросту не укладывается в головах сторонников «вашингтонского консенсуса», которые всегда считали и продолжают считать, что национальная денежная система должна быть всегда открытой и привязанной к мировым рынкам капитала.

В нынешней ситуации Центральный банк должен был не поднимать процентные ставки, а снижать их, чтобы обеспечить возможности расширения производства. Сейчас уровень доходности в обрабатывающей промышленности получается ниже уровня рыночной кредитной ставки. Поэтому предприятия обрабатывающей промышленности не могут брать такие дорогие кредиты, из-за чего не могут наращивать производство. Необходимы также длинные кредиты в поддержку инвестиционной активности, которая сегодня падает. Они должны быть рассчитаны на 5-7, а в случае инфраструктурных проектов — и на 10-15 лет.

Ничего этого нам денежные власти в необходимых масштабах сегодня не предлагают, ограничиваясь общими разговорами. Но эпоха «вашингтонского консенсуса», эпоха внешних источников кредитования с низкой процентной ставкой в обмен на полную открытость национальной экономики ушла в прошлое, поскольку не обеспечивает даже простого воспроизводства, не говоря уже о развитии.

Но прозападная часть российского истеблишмента продолжает цепляться за политику «вашингтонского консенсуса», что и было проявлено на инвестиционном форуме в Сочи, — несмотря на то, что эта политика явно исчерпала себя, а взамен ничего реального не предлагается. «Вернуть всё, как было до Крыма», уже не получится, и наши западники-либералы это прекрасно понимают, но надеются каким-то чудом восстано-

вить статус-кво хотя бы лично для себя — за счёт всей России, надо полагать.

Но если говорить о дискуссиях в экспертном сообществе на теоретическом уровне, то оппоненты политики наращивания государственных инвестиций и увеличения кредитов реальному сектору экономики ничего противопоставить не могут. Поскольку сейчас весь мир именно этим, наращиванием госинвестиций с расширением кредита, — и занимается: хоть США, хоть Китай, хоть Европа, хоть Япония. Других способов преодолеть проявления системного кризиса в экономике нет. И экономисты, которые все эти годы оправдывали политику привязки российской денежной системы к западной, оправдывали её зависимость от доллара, — сегодня, в условиях антироссийских санкций со стороны США и их союзников, ничего внятного предложить вообще не могут, поскольку внешние источники кредитов перекрыты, а никакие иные для них не существуют.

«ЗАВТРА». Сергей Юрьевич, но, насколько известно, ни Китай, ни другие страны БРИКС никаких санкций против России не вводили. Более того, у Китая накоплены грандиозные запасы долларов и долларовых ценных бумаг. Но никакой активности по переориентации на эти источники кредитования ни ЦБ, ни Минфин не проявляют. Чем доллары, находящиеся в распоряжении Китая или Индии, хуже тех, которые находятся в распоряжении США или Евросоюза?

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Нет, так вопрос не стоит, и мы сегодня наблюдаем любопытное явление, когда американские банки, которым вроде бы запрещено предоставлять кредиты России, начинают предлагать нам кредитование через свои сингапурские и гонконгские «дочки». То есть правительство США жестко наказывает за нарушение санкций европейские банки, но при этом готово закрывать глаза на «кредитную контрабанду» своих финансовых институтов, тем самым обеспечивая им недобросовестные конкурентные преимущества перед европейскими партнерами.

Но дело в том, что объективно для страны, у которой имеется устойчивое и значительное позитивное сальдо торгового баланса, а у России оно было гигантским последние 15 лет, внешние кредиты не нужны. Вам должно хватать внутренних источников кредитования, потому что у вас и так избыточный приток валюты.

Более того, анализ показывает, что примерно 85% «иностранного» капитала, который приходит в Россию, — это капитал российского происхождения, реинвестируемый через оффшорные зоны. То есть у нас нет никакой критической зависимости от иностранных источников кредита. Либо эти кредиты нам вообще объективно не нужны и могут быть легко замещены внутренними источниками, либо это те кредиты, которые привлекаются российским бизнесом через свои оффшорные отделения в целях минимизации налогов, что также крайне вредно сказывается на сбалансированности нашей финансовой системы. Только на оффшоризации из-за разницы процентных ставок между ставками размещения и привлечения финансовых ресурсов мы теряем от 40 до 60 млрд. долл. ежегодно. И во многих отраслях российской промышленности объем затрат на обслуживание иностранных кредитов и иностранных инвестиций уже намного, в разы, превышает объёмы налоговых поступлений в бюджет.

И сегодня задача заключается не в том, чтобы привлекать новые кредиты не с Запада, а с Востока, но в том, чтобы эффективно использовать имеющуюся валютную выручку и внешние источники кредитования заместить внутренними.

«ЗАВТРА». Но наверняка здесь существуют и своего рода «подводные камни», которые необходимо обойти?

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Да, переход к новой финансовой парадигме на основе внутренних источников кредита требует серьёзного усиления банковского и валютного контроля. Потому что главная опасность, которая при этом возникает, — бесконтрольная конвертация рублей в валюту с последующим вывозом её за рубеж, чем занимаются и коммерческие банки, и другие финансовые структуры. Бегство капитала, которое сегодня достигло астрономических размеров, превысив за первое полугодие отметку в 70 млрд. долл., не позволяет перейти к внутренним источникам кредита. Схожую ситуацию мы наблюдали в 2008-2009 годах, когда увеличение кредита для спасения коммерческих банков при отсутствии валютных ограничений привело к тому, что полученные от ЦБ деньги коммерческие банки просто перевели на валютный рынок в расчете на быстрый спекулятивный доход от торговли долларами, евро и так далее. На девальвации рубля они тогда заработали порядка 300 мил-

лиардов рублей, но до реального сектора экономики деньги попросту не дошли.

Вот этот печальный опыт «антикризисной» политики ЦБ, в результате которой наш фондовый рынок рухнул в три раза, а объем продукции машиностроения снизился на 40%, говорит о том, что еще одним условием политики сбалансированного экономического роста является создание системы банковского и валютного контроля, которая гарантировала бы нас от перетока денежной массы, создаваемой за счет внутренних источников кредитования, за границу. Для этого нужно бороться с вывозом капитала, реализовывать программы деофшоризации, создания которых по-

требовал президент России, и таким образом обеспечивать оборот денег внутри российской экономики на внутреннем рынке. Именно этому и противятся сторонники «вашингтонского консенсуса», считая главной задачей обслуживание кредитов, предоставленных иностранным капиталом.

Если же мы хотим добиться роста ВВП на обоснованном и доказанном нашими учеными-экономистами уровне 8-9% в год, нам нужно кардинально менять всю кредитно-денежную политику и всю финансовую систему страны.

Беседу вел **В. Винников**